

На пути домой

Памяти американской писательницы Урсулы Ле Гуин

Урсула Крэббер Ле Гуин (Фото: Dan Tuffs / Getty Images)

(Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a67dfdb9a7947bc6fc64c82>)

В понедельник, 22 января 2018 года, скончалась американская писательница и поэтесса [Урсула Ле Гуин](#). Своим читателям и в США, и во всем мире она известна как автор знаменитого цикла о «Земноморье» и романов «Хайнского цикла», сторонница идей феминизма и анархизма, по сути изменившая лицо современных фантастики и фэнтези. С вопросами о художественных мирах Ле Гуин, о ее пути в литературе и о ее влиянии на сегодняшних авторов мы обратились к старшему научному сотруднику журфака МГУ имени М.В. Ломоносова, ученому секретарю Общества по изучению США, специалисту по научной фантастике Ларисе Григорьевне Михайловой.

№ 1: К какой литературе принадлежит творчество Урсулы Ле Гуин? Американской или мировой, жанровой или «большой», выходящей за рамки фэнтези или фантастики?

Лариса Михайлова: Ле Гуин можно отнести к писателям мирового уровня. Конечно, она классик американской литературы. В 2014 году она удостоилась премии, которую до нее из фантастов получал, кажется, только Рэй Брэдбери, — National Book Award.

Уже в 2016-17 годах ее произведения были выпущены в рамках знаменитой серии [Library of America](#). Это такие черные тома, в которых выходят произведения всемирно известных американских писателей, в большинстве уже ушедших классиков — Германа Мелвилла, Марка Твена, Натаниэля Готорна, очень редко здравствующих — Юдоры Уэлти, Сола Беллоу, Филипа Рота и так далее. Теперь в эту серию входят [несколько работ](#) Ле Гуин.

Но если говорить о существовании ее творчества, то сама ее погруженность в мировые культуры — и Америки, и Европы, и Востока, знание традиций фантастики, делают Ле Гуин человеком синтеза, который через свой язык — очень многоплановый, многосторонний, у нее практически нельзя найти образа, который трактовался бы однозначно, — синтезирует достижения мировой культуры.

Она никогда не была представителем сугубо жанровой литературы, скажем, одного только фэнтези. И дело не в том, что фэнтези — это только половина ее книг, а вторая половина принадлежит научной фантастике. Когда в 2014 году газета The New York Times написала о том, что большую литературную премию дали фантасту, Ле Гуин выступила и поправила это определение: по ее словам, она приняла эту премию не как фантаст или автор фэнтези, а «на своих условиях».

Ле Гуин, кстати, получила литературоведческое образование, сама была известным специалистом по литературе и неоднократно писала о синтетической жанровой природе своего творчества. Она не считала, что между жанрами следует проводить какие-то непроходимые границы. Действительно, ее достижения в литературе синтетичны, по сути своей она диалектик. Мало о ком из писателей можно такое сказать. Чаще кто-то начинает с чего-то одного, а потом переходит к чему-то другому, но Ле Гуин с самого начала строила свое творчество на этом очень трудном пути. Можно даже сказать — Пути, недаром даосизм для нее это и исток и школа.

Кто повлиял на ее творчество? Были ли авторы, которых она называла своими учителями?

Она сама приводила целый список таких авторов. В него входят такие поэты и писатели XIX века, как Шелли, Китс, Вордсворт, Леопарди, Гюго, Рильке, Диккенс, Толстой, Тургенев, Чехов. Их традиции — европейского романтизма и реализма, в которых ей не хватало Востока (хотя Востоком интересовались и Толстой, и романтики, недаром в первом ряду она называла Шелли), она синтезировала с традициями неевропейскими.

Ле Гуин ведь воспитывалась в семье антрополога, и недаром свое любимейшее произведение назвала «Always Coming Home». У нас это переводится «Всегда возвращаясь домой», но, на мой взгляд, это не точно, лучше переводить «На пути домой», потому что Ле Гуин неоднократно говорила, что нельзя прийти туда, откуда вышел. Как классический диалектик, она помнила, что любое развитие происходит по спирали.

Именно эти культурные взаимодействия и составляли для нее источник вдохновения. Она, конечно, среди своих предшественников называет и американцев, тех же романтиков, но, на мой взгляд, тут тоже имеет место слияние западной культуры с традициями доколумбовой Америки, со сказовой традицией коренных американцев, для которой характерно особое внимание к слову. В этой традиции очень важно, что буквально каждое слово — неоднозначно, в одних условиях могут раскрываться одни его черты, в других — другие.

Здесь же и истоки ее литературной техники. Ведь что такое сказовая, фольклорная традиция? Это когда ты не видишь сказанного слова, но оно должно успеть зацепиться, создать некую картину в твоём воображении и продолжить формировать твоё восприятие. В отличие от слова письменного, к которому ты можешь вернуться, еще раз его рассмотреть, с устным словом так не получится. На мой взгляд, на нее эта традиция повлияла довольно сильно.

В то же время Ле Гуин как писатель ни на кого не похожа, у нее очень индивидуальная манера. В лучшем случае можно говорить о сходстве с кем-то по аналогии — например, с русским фантастом Иваном Ефремовым. Не в том смысле, что он ее учил писать, а в том, что он с ней сопоставим типологически. Речь идет о сходстве каких-то глубинных моментов, которые их роднят: диалектика, понимание спирали развития, взаимодействие культур разных регионов, представление о том, что, не поборов себя, невозможно двигаться дальше, понимание механизмов самосовершенствования. Вот эти моменты одинаково были близки и Ефремову, и Ле Гуин.

Можно ли выделить в ее творчестве какие-то главные темы?

Она из главных тем ее творчества — это, несомненно, феминизм, под которым она понимала обеспечение равных возможностей и способность людей учиться друг у друга. Она, кстати, определяла свое творчество как «бракосочетание различного», своего рода союз, необходимый для самопознания и движения вперед. Слово «брак» тут не следует трактовать буквально, это не просто сочетание мужского и женского, но и — мужского и мужского, женского и женского.

Этим продиктован эксперимент, который Лу Гуин поставила, написав роман «Левая рука тьмы», где как раз исследуется вопрос гендера. Там действуют персонажи, которые в определенные периоды своей жизни могут быть и мужчинами, и женщинами. Для нее это была одна из важнейших тем. Очень часто гендер делит людей вплоть до порабощения одного другим. А поскольку Ле Гуин интересуется движением вперед через обогащение друг друга разными возможностями, она и писала о подобного рода смешанных вариантах.

Вторая тема, которая также ее очень волновала, это попытка подвигнуть людей не останавливаться, не делать какой-то окончательный выбор, потому что ригоризм, приверженность окончательному выбору, часто приводит к жертвам не только среди самих этих людей, но и среди их окружения тоже. Этому ее учил даосизм. И поэтому Ле Гуин все время напоминает о противоположностях. Недаром один из излюбленных ее образов — это тень. Вспомним, что в романах о Земноморье, чтобы победить тень, сперва надо ее познать.

В произведениях Ле Гуин потому и язык так сложен, что она пытается передать эту диалектику буквально на языковом уровне. Кстати, она ведь не только писательница, но еще и поэт, пишет стихи всю жизнь. Кстати, ее поэзия у нас почти не переведена и потому мало известна. Лишь несколько лет назад одна из моих дипломниц взялась за эту сложную

работу, мы с ней перевели поэму Ле Гуин о путешествии по Америке. Хотелось бы найти издателя.

Так вот, для Ле Гуин язык был той сферой, которая не только помогает излагать историю, но в самой себе содержит и прошлое, и будущее. Именно поэтому она в последние годы предпочитала поэзию, которая больше, чем очередной роман или повесть, способствует свободе сопряжения смыслов.

Как известно, многие романы Ле Гуин складываются в два больших цикла. Чем объясняется стремление многих фантастов к циклизации и как это сложилось в творчестве самой Лу Гуин?

Пристрастие фантастов к циклизации связано с понятием фантастического мира. Вообще любой писатель создает собственный художественный мир, это понятие общеизвестно, им очень широко пользуются. Обычно художественный мир отражает какие-то закономерности, так или иначе понимаемые автором в окружающем мире, и соответственно этому пониманию он и строит свое произведение. Так, мы видим романтиков с их двоемирием, видим реалистов, у которых действия и характеры героев более жестко детерминированы предшествующим повествованием.

Фантастические и фэнтезийные произведения тоже создаются на основе определенных представлений, но здесь авторы в большей мере придумывают свои миры. Одни из них оказываются настолько интересными, что их можно исследовать дальше и дальше. Возьмем пример, далекий от Ле Гуин, но всем понятный, — мир, который создал Джордж Мартин в «Игре престолов». Начинается все с карты, на ней есть разные страны, тут живут такие-то люди, там — такие-то нелюди, и они как-то взаимодействуют. По такому фантастическому миру путешествовать можно долго, и таким образом складываются фэнтезийные циклы.

Научно-фантастические циклы близки к этому принципу, но в них, на мой взгляд, бóльшую роль играет не география, а идеи, вокруг которых построен тот или иной мир. Скажем, мир «Звездного пути» Джина Родденберри, давший начало знаменитой франшизе, предполагает Объединенную федерацию планет. Как она складывается, как могут объединиться разные миры, как строится их взаимодействие — вот вам материал не на один роман, а на целый цикл.

У Ле Гуин есть «Земноморье», которое она сама воспринимала как единый цикл. «Хайнским циклом» входящие в него романы называет уже не Ле Гуин, а окружающие, потому что там действуют цивилизации, некогда заложенные протонародом, расселившимся по разным планетам. Ничем кроме этого они не объединяются. Поэтому эти романы в меньшей мере складываются в цикл, их так называют просто для удобства, а еще под влиянием издательской практики — цикл проще продавать: если человек прочитал одну книгу, ему будет интересно прочитать и другую.

Но, повторяю, в «Хайнском цикле» есть некая протозавязка, которая находится за пределами сюжетов конкретных романов, в которых представители некоего высокоразвитого народа заселили разные миры, а дальше уже эти отдельные цивилизации, как в «Левой руке тьмы», развиваются вместе со своим миром, в котором они живут. Тем самым «Хайнский цикл» можно еще назвать экологической или — точнее — антропологической фантастикой, потому как в каждом его романе фантастический мир влияет на поведение живущих в нем существ.

Известно, что фантасты проецируют на свои вымышленные миры какие-то проблемы и вопросы из реальной жизни. Как бы вы определили социальное измерение творчества Ле Гуин?

Ле Гуин никогда не скрывала своих идей на этот счет, она одна из немногих, кто много пишет об анархизме. Этот вопрос сильно ее занимал начиная со сборника рассказов «Орсиния», которые она, кстати, включила в упоминавшуюся серию Library of America. Этот мир у нее сложился еще до прочих более известных вымышленных миров. Орсиния — это некая вымышленная европейская страна на базе европейских традиций, унаследованных современной глобальной культурой от «старушки Европы». Она пишет о персонажах, которые ищут себя, исследует понятие свободы. Причем для Ле Гуин важна как свобода, так и, в соответствии с диалектикой, ее обратная сторона.

В «Хайнском цикле» анархизму посвящен ее роман «The Dispossessed». Его название, кстати, довольно трудно перевести на русский язык одним словом, потому что в английском слове объединяются два значения: с одной стороны, это тот или те, у кого чего-то нет («обделенный», «обделенные»), а с другой стороны, это тот или те, кто не одержим чем-то до такой степени, чтобы забыть обо всем остальном. Так вот, в романе «The Dispossessed» представлены две планеты, на одной из которых капитализм, а на другой — анархизм. Но это не значит, что там все делают, что хотят. Напротив, это порядок, который даже начинает тяготить кое-кого из героев. Пусть он самоустановившийся, но без него невозможно. Поэтому государства как такового там нет, а есть вот этот самоустановившийся порядок, который исследует автор.

В продолжении цикла «Орсиния», романе «Малафрена», писательница исследует свою вымышленную страну рубежа XVIII-XIX веков. Там перед нами предстает некий революционер, а в Орсинианских рассказах есть фигура, которая у Ле Гуин встречается неоднократно. Это женщина по имени Одо (не путать с персонажем из «Звездного пути»). Она напоминает, скажем, Александру Коллонтай, если проводить аналогии с историей России. Это фигура важная для тех, кто борется за свободу, но сама она не принимает того, что следует после победы. У Ле Гуин, кстати, есть даже такое произведение — «На следующий день после революции». Оно показывает, что многие люди борются за свободу, но получается у них обычно совсем не то, к чему они стремились. И возникает вопрос почему. И это тоже вопрос о диалектике. Известно, кстати, что саму Урсулу Ле Гуин иногда тоже называли Одо.

Каково значение Ле Гуин для современной американской и мировой литературы?

Ее влияние в американской научной фантастике огромно, причем не только среди читателей и писателей. Ее активная позиция в определенной степени переформировала рынок фантастической литературы.

Взять, например, феминистский конгресс любителей фантастики Уискон, который проходит в Мэдисоне, штат Висконсин, кажется, уже в тридцать пятый раз. Ле Гуин была одним из его учредителей, и на него съезжаются и читатели, и писатели, и критики, очень большое событие. На этом конгрессе присуждается премия Джеймса Типтри-младшего. Под этим именем печаталась писательница Элис Шелдон, которая в свое время специально укрылась под мужским псевдонимом, чтобы доказать, что не только мужчины-писатели могут глубоко описывать психологию женщин. Сегодня это звучит смешно, но какое-то время назад в Америке было немало людей, веривших в этот тезис.

Так вот, премия Типтри-младшего присуждается автору, который интереснее всех пишет на темы гендера. Это, кстати, может быть как женщина, так и мужчина. И любопытно, что победителя определяют не прямым голосованием, а сложным диалектическим путем, который придумала Ле Гуин. Претендентов там обсуждают в несколько кругов. Это, наверное, утомительно для кого-то, но постепенно вырисовываются позиции каждого из выдвигающих какое-то произведение, и постепенно люди приходят к консенсусу. Такая система существует уже более тридцати лет.

В итоге в Америке образовался целый пласт фантастической литературы, выдвинутой таким образом, по методу Ле Гуин. Кроме того, она участвовала в мастер-классах для писательниц-фантастов, которые проходили на разных континентах, например в Австралии. Ле Гуин вообще много внимания уделяла женщинам-писательницам, утверждала их право сочинять фантастику. Ле Гуин вспоминала: «Когда меня впервые опубликовали, на обложку вынесли имя U.K. Le Guin. И эта согнутая буква U висела надо мной долгое время, я в этом согнутом состоянии вошла в литературу». Уже в наше время, именно благодаря тому, что Ле Гуин отнюдь не вела себя тихо, а отчетливо выражала свою позицию, появление женских имен в фантастике уже никого не удивляет.

Другое, собственно литературное влияние Ле Гуин изменило лицо мировой фантастики в том, что касается изображения героев. До 1970-х годов считалось, что подлинным героем научно-фантастического произведения является идея. Ле Гуин одной из первых стала доказывать, что в фантастике персонаж должен быть не менее интересным и разработанным, чем идея. В результате благодаря популярности ее творчества укрепилась линия на новый психологизм в фантастике. И теперь, если герой не прописан как следует, это, скорее, воспринимается как очевидный недостаток литературного мастерства.

И последний вопрос: а как обстоят дела с русскими переводами Урсулы Ле Гуин?

С одной стороны, дела обстоят вроде бы неплохо, на русский язык переведено примерно 90 процентов прозы Ле Гуин. Но с другой стороны, может быть, сегодня пришла пора обратиться к переводу ее стихов и через это прийти к новому переводу ее прозы? Мне кажется, это было бы путь, способный обновить Ле Гуин в восприятии русскоязычного читателя. Мне кажется, такое обновление необходимо, чтобы к русскому читателю пришла истинная Ле Гуин.

Беседовал Дмитрий Иванов